

Гейченко С.С.

Под пологом леса. Новеллы о Михайловском

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Г27

Г27 **Гейченко С.С.**
Под пологом леса. Новеллы о Михайловском / Гейченко С.С. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 42 с.

ISBN 978-5-458-25576-9

Хранитель музея-заповедника А.С.Пушкина в Михайловском рассказывает о природе и животных заповедного края, в котором жил и писал стихи наш великий поэт. Для младшего и среднего возраста.

ISBN 978-5-458-25576-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



свыше двухсот пятидесяти лет, берёзы и ясени многих сортов, клён обыкновенный, татарский, южный, американский, тополь простой, круглый. Ещё не так давно в Пушкинских Горах, неподалёку от почты, росли несколько деревьев итальянского пирамидального тополя. Для здешнего края это большая редкость. Под пологом леса и на усадьбах произрастают многочисленные виды кустарников: белая ольха, красная, чёрная крушина, ломкая и слабительная, лещина, бузина, черёмуха чёрная и белая, калина белая и красная, жимолость простая и татарская, бересклет, боярышник, шести сортов ива — серебристая, корзиночная, японская, самостригущая, самораздевающаяся, обыкновенная, несколько сортов сирени, клён-малина, десять сортов шиповника, сотни сортов яблони, груши, сливы, вишни. Чего-чего только здесь нет! Ведь при Ганибалах здесь работали замечательные садоводы-лесоводы, и не только русские знатоки, но и специалисты-консультанты из Германии и Франции.

Заповедник — это и парки, и рощи, и боры. Парки все разбиты по стилю, а рощи есть берёзовые, дубовые, сосновые, еловые, ольховые. Бор в заповеднике местами труднопроходимый, прямо-таки сказочный. В нём зоркий глаз увидит всё, о чём Пушкин говорит в своём стихотворении — песне-сказке о медведихе:

Как весенней тёплой порою
Из-под утренней белой зорюшки,
Что из лесу, из лесу из дремучего
Выходила бурая медведиха
Со милыми детушками-медвежатами
Погулять, посмотреть, себя показать.

Пушкин называет далее в стихотворении обитающих в лесном псковском царстве зверей больших и зверишек малых: тут и волк, и

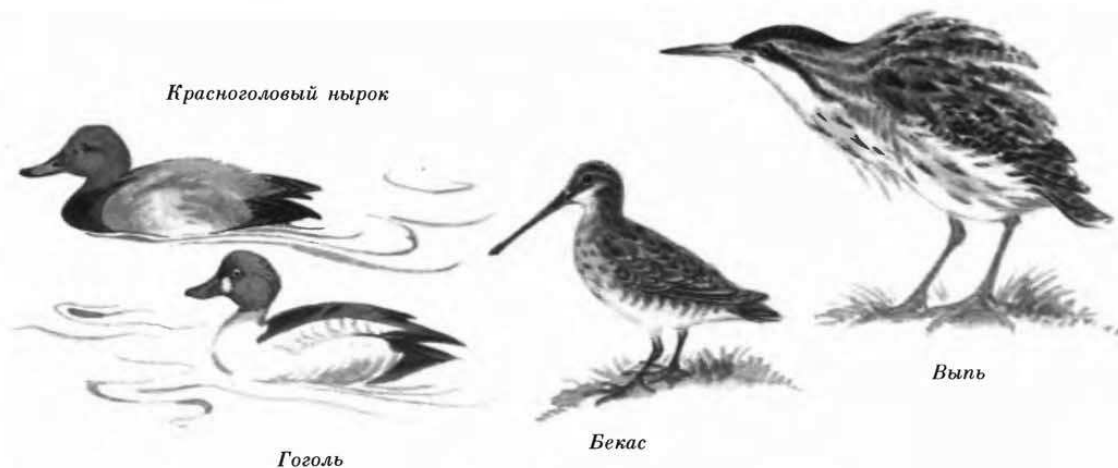


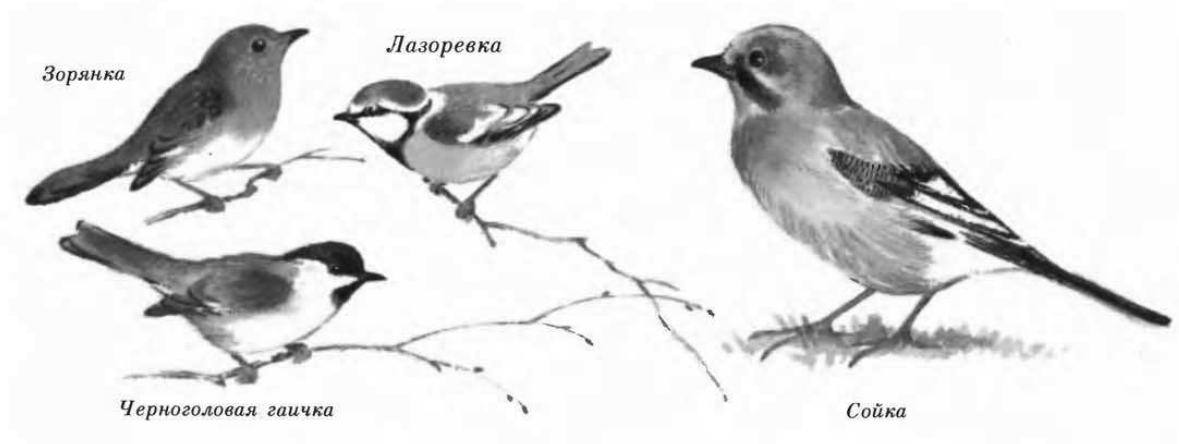
бобр, белочка и лисица, горноста́й и байбак¹, заяц и ёж... И всё это живёт в Пушкинском заповедном царстве и сегодня. Ныне здесь встретишь, кроме тех, кого упоминает Пушкин, ещё и барсука, и кабана, енота и норку, куницу, дикую козу, ондатру. Здесь часто пробегает волк. Проходом в глубь области пасутся лоси, не так давно молодой лосёнок в течение нескольких месяцев содержался на конном дворе заповедника вместе с другими животными. А пятьдесят лет тому назад недалеко от устья Сороти был убит последний медведь: его чучело до Великой Отечественной войны хранилось в Пушкиногорской школе имени Пушкина. Правда, лет тридцать назад группа школьников из Сибири привезла в подарок заповеднику молодого медвежонка, только я решил не оставлять его в Михайловском, а передал в Ленинградский зоологический сад.

По речным берегам, по берегам озёр и ручьёв попадают коростели, дупеля, бекасы, дикие утки разных видов. Среди них есть такие, которые делают себе гнёзда не на земле, а на деревьях. Близ воды живут выдры. Речной бобр, которого пытался развести здесь сын поэта, заядлый охотник и зверовод, Григорий Александрович Пушкин, не ужился, хотя в народе ходили настойчивые слухи о том, что бобр здесь водится... И вот недавно писатель — знаток природы Василий Песков бобра в Михайловском всё же встретил!

Изучая птичье царство Михайловского, я много думал о животворной его роли в жизни Пушкина и пришёл к заключению, что мир птиц был целителем и утешителем поэта в михайловской ссылке. Правда, Пушкин в своём творчестве ни разу не упомянул многих здешних пичуг, которые всегда были у него на глазах. Читая Пушкина, мы встречаем лишь аиста, вóрона, ворону, вальд-

¹ Байбак — сурок.





шнепа, галку, голубя, иволгу, индейку, канарейку, кукушку, кулика, коршуна, курицу, ласточку, лебедя, орла, петуха, пустельгу, рябчика, синицу, скворца, сокола, соловья, сороку, утку, ястреба.

Мы не встречаем ни трясогузки, ни снегиря, нет дятла, жаворонка, поползня, клеста, свиристели, овсянки, зяблика, лазоревки, пеночки, славки, горихвостки и многих других птиц. Но ведь не мог же Пушкин не слышать их сольных концертов, их хорового пенья! Став «пророком», он научился слышать душу всего сущего на земле, и даже «гад морских подводных ход» услышан был им.

Пушкин не мог не видеть и не слышать того, что видим и слышим мы здесь, сегодня. А мы видим и слышим, как живут, поют, наблюдают за нами горлица, дрозд, скворец, зорянка, ласточка, славка...

В Михайловском, как при Пушкине:

В лесах, во мраке ночи праздной,
Весны певец разнообразный
Урчит, и свищет, и гремит...

И не только в лесах, но и в саду можно услышать пушкинские «незаменные три песни» соловья.

Пушкин любил птиц. Целыми днями он пропадал в тенистом лесу, внимая птичьим пересвистам.

Птичье пенье пробуждало в нём творческие мечты.

В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой...—

писал он в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом» вскоре после того, как прибыл в Михайловское.



Услышав прекрасную песню иволги в Михайловском, Пушкин назвал её соперницей своей гармонии, своим стихам. Иволга — голосистая, мелодичная птица. Её можно назвать концертмейстером здешнего птичьего хора. Голос её удивительно чист и нежен, он слышится в садах и рощах во всяк час летнего дня, когда солнце освещает и согревает всё живое, всё сущее на земле. Эта трёхколенная песня столь душевно пронзительная, что мне всегда кажется, что её слышит и глухой.

Птичий хор — одно из величайших наслаждений, какие дарит природа человеку весной и летом. Скворец, зорянка, дрозд, горихвостка — запевалы этого хора. За ними начинают заливаться зяблики, славки, синицы, мухоловки, пеночки-теньковки. К восходу солнца весь птичий хор в сборе. Особенно умирительна пеночка. Она обычно поёт, неустанно порхая и прыгая с сука на сук, с дерева на дерево. Она первая прилетает сюда с юга, первая пробуждает дремлющий лес. Она мастер тонкой трели и очень высоких нот.

А есть птичка, которая выпевает свои громкие переливчатые трели в Михайловском и зимой, когда сидит в снегу, почти зарываясь в нём, или на заснеженной ветви ели. Это птичка-малютка, у неё хвостик, как вымпел, всегда поднят к небу. Эта чудо-птичка — крапивник.

Есть птицы, которые поют в Михайловском и по ночам. Кроме соловья, это камышёвка, козодой, сова...

Каждый год осенью, когда усадьба и рощи Михайловского пустеют, сова лунными ночами прилетает к дому поэта, садится

между двух белёных труб, на коньке высокой кровли, и громко плачет. Именно плачет. Это подметил ещё Пушкин, когда писал:

То был ли сон воображенья
Иль плач совы...

Мир птичьего Михайловского был безграничен. Птицы были всюду. Не только в рощах и лугах, но и в самой усадьбе. Соблюдая «обычай доброй старины», в его доме, в светлице няни, водились чижи и канарейки, а около дома — голуби, скворцы и ласточки, за которыми ухаживала Арина Родионовна.

Забыв и рощу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюёт и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

В этом незаконченном стихотворении, оставшемся в бумагах Пушкина без даты, ощущается реальная ситуация, в которой находился поэт в своём михайловском доме в годы ссылки.

Долгими зимними вечерами няня часто напевала поэту здешние народные песни. Особенно полюбились Пушкину старинная «птичья» песня о том, как «Синица за морем жила».

За морем синичка жила,
Не пышно жила, пиво варивала,
Солоду купила, хмелю займы взяла,
Чёрный дрозд пивоваром был.
Сизый орёл винокуром слыл.
Соловушка-вдовушка незваная пришла.
Синичка по сеничкам похаживала.
Соловухе головушку поглаживала.
«Что же ты, соловушко, не женишься?»
«Рад бы жениться, да некого взять.
Взял бы ворону, да тётка моя,
Взял бы сороку — щепетливая она.
Взял бы синичку — сестричка моя.
За морем живёт перепёлочка,
Она мне не мать и не тётушка.
Её-то люблю, за себя замуж возьму...»

В доме Пушкина, за что ни возмись, всюду птицы, тканые, вышитые, нарисованные: на полотенцах, скатертях, салфетках, простынях. Ведь птицы и знаки птиц — всё это знаки добра, здоровья,

это символы радости, жизни, плодородия земли... Сел за стол писать — брал в руки перо гусиное, или лебединое, или аистинное. Велел самовар подать, чтобы чаю испить, а у самовара кран в виде птичьего клюва. Подошёл к горшку-водолею руки помыть, а у того носик от «золотого петушка». Обедать сел — на столе тарелки и блюда фаянсовые, расписанные птицами. А весною к утреннему чаю подавались печёные крендельки — «жаворонки».

25 марта с началом весны, в благовещение, люди выпускали на волю птиц, до того долгую зиму сидевших у печей. Даже в южной ссылке, «на чужбине», Пушкин «свято наблюдал» этот древний и трогательный обычай.

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

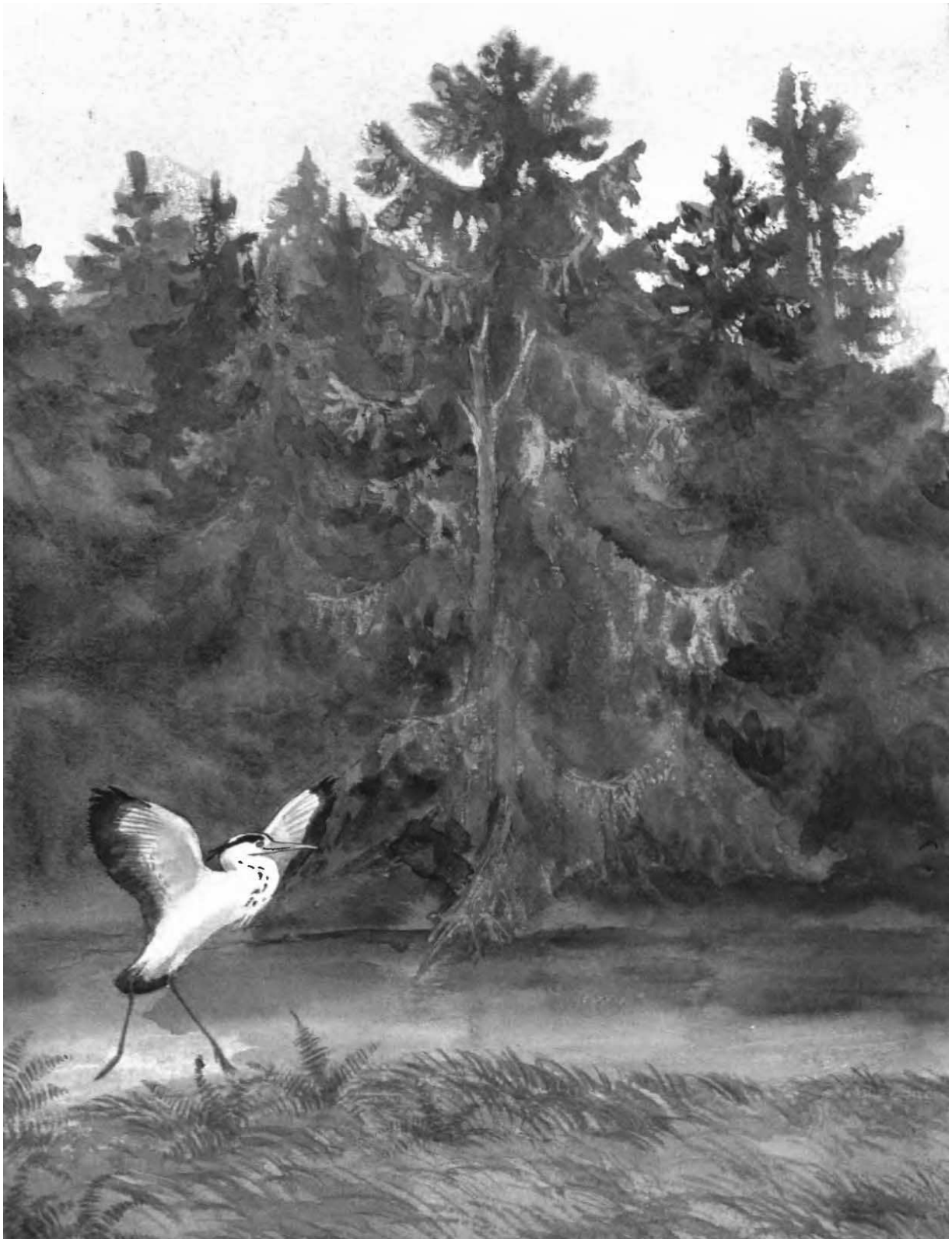
Я стал доступен утешенью:
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

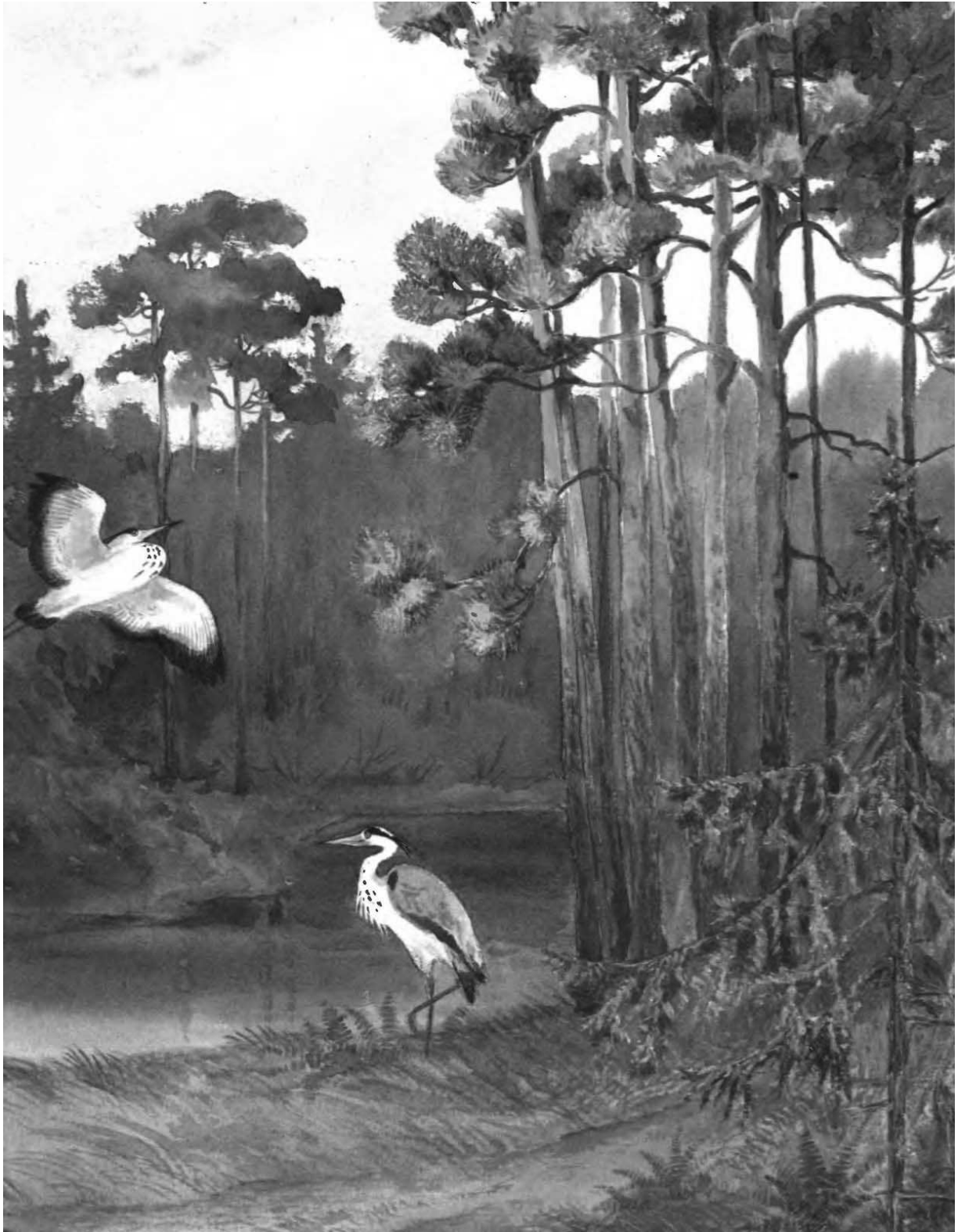
Посылая эти стихи Н. И. Гнедичу, поэт писал ему: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в светлое воскресенье выпускать на волю птичку? Вот вам стихи на это».

Из окна своего кабинета, вероятно, не раз Пушкин наблюдал за весёлой белобокой птицей — сорокой, разорительницей чужих гнёзд, мастерицей жить за чужой счёт. Эту птицу можно встретить в Михайловском повсюду: и возле ворот на усадьбу, и у крыльца дома-музея, и около ларька, где торгуют сувенирами. Она падка на всё, что плохо лежит, — карандаш, монета или носовой платок. Зазевается какая-нибудь старушка, положит свою сумочку на садовый диван — сорока тут как тут и даже пытается лапками открыть замочек...

«Скачет сорока возле дома — гостей пророчит», «На своём хвосте сорока дому вести приносит», — говорит народная примета. Пушкин хорошо знал эти приметы. В незаконченном стихотворении «Стрекотунья белобока», датированном 1829 годом, он говорит:

Стрекотунья белобока,
Под калиткою моей
Скачет пёстрая сорока
И пророчит мне гостей.





Он любил заходить к «пруду под ивами». Долго смотрел на его спокойные воды, разглядывая то карасей, весело снующих, то ворону, охотившуюся за малыми утенятами, то уток-молодух, плывущих за крошками хлеба, которые кидал им дворовый мальчик. Утки резвились и громко хохотали: «Кхря-кхря-кхря!» Он в ответ им ловко подражал, и они вместе хором крякали и потешались. Смотря на их игры, он чувствовал себя весёлым, как птица.

В небе спешат большие снежно-белые птицы — это аисты. Дом аиста на высокой, очень старой, ещё ганнибаловской, ели — единственной на околице. Аистов радостно встречают молодые аистята — они безмолвно размахивают крыльями, кружатся хороводом по гнезду...

Чуть неподалёку слышится какая-то другая возня и воркотня. Это цапли готовят своих малышей на сон грядущий... Михайловские серые цапли! Их много — около полусотни гнёзд. Живут большой колонией, на самых больших соснах. Эта птица вообще любит лишь те места, где есть озёра, реки, болота, где водится много рыбы, лягушек, змей, до которых она большой охотник. В Михайловском всего этого вдоволь, и цапли здесь издревле. О них святогорский монах ещё в XVIII веке писал в духовную консисторию, что «птица, именуемая «зуй», любит места сии, богом данные, понеже в древние времена здесь был монастырь Михаила архангела».

И деревенское название Михайловского — Зуёво, так и Пушкин его называл.

Пушкин любил рисовать. Многие рукописи его произведений покрыты самыми разнообразными набросками. Это и автопортреты, и портреты его друзей, братьев, товарищей, это и деревья, кусты, кони... и птицы...

С древних времён на Псковщине была своя порода домашних гусей. Они назывались «псковские лысые» и отличались вкусным мясом, добротным чистым пером, мощными красными лапами и большой лысой головой на длинной шее.

Гусей в Михайловском было много и при Пушкине, и при его сыне Григории Александровиче, который жил здесь помещичьей жизнью почти тридцать лет. При нём в михайловском птичнике содержались полторы сотни гусей. Тысячи их водились у жителей деревень, лежащих супротив Михайловского, — Дедовцев, Зимарей, Савкина, Бугрова...

Осенью гусей большими стадами пешим ходом отправляли на продажу в Псков и Питер. Гнали их мужики, хорошо знавшие